

На правах рукописи

Назмутдинов
Булат Венерович

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЕВРАЗИЙЦЕВ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ XX В.**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре теории права и сравнительного правоведения
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель: Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Исаков Владимир Борисович

Официальные оппоненты: Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Исаев Игорь Андреевич

кандидат юридических наук
Павлов Александр Владимирович

Ведущая организация: ФГБУ «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Защита состоится 27 марта 2012 г. в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.048.10 при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» по адресу: 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, ауд. 315.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по адресу: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Автореферат разослан «   » февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.А. Энгельгардт

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность настоящего исследования обусловлена теоретической и социально-практической значимостью политико-правовых воззрений лидеров евразийства – течения русской общественной мысли, возникшего в начале 1920-х гг. в эмиграции.

Теоретическая значимость данных воззрений объясняется тем, что, оказавшись в изгнании, евразийцы – филолог Н.С. Трубецкой, экономист и «геополитик» П.Н. Савицкий, правовед Н.Н. Алексеев – не только критиковали современное им советское государство, но и пытались предложить свое видение государственного идеала. При этом они поставили множество вопросов, значимых для того времени: о соотношении «власти» и «знания», ценностных основаниях права, связи политической формы с территорией, на которой располагается государство. Эти вопросы и сегодня являются важными для юридических и политических наук, поэтому евразийство причастно не только контексту российской, но и мировой общественной мысли¹.

В лице социолога В. Гуриана американская и европейская наука заимствовала у евразийцев определение понятия «идеократии», т.е. правления, основанного на общности мироощущения, применив его по отношению к тоталитарным государствам²; появилась тенденция именовать подобные режимы идеократиями³. Российская юриспруденция также использует некоторые понятия, определенные евразийцами, к примеру, понятие «правообязанности», которому Н.Н. Алексеев в конце 1920-х гг. придал новое значение.

Социально-практическая значимость евразийства выражается в том, что его представители ставили вопрос о существовании Российской цивилизации, о

---

¹ К примеру, Р. Барт упоминал о Н.С. Трубецком наряду с Ж. Дюмезилем и К. Леви-Строссом, считая их деятельность «структуралистской». См.: Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 256. В превосходной степени об исторических трудах Г.В. Вернадского отзывался В. Гуриан, исследователь тоталитарных режимов, один из единомышленников Х. Арендт. См.: Gurian W. *Kievan Russia by George Vernadsky...* // *The Review of Politics*. Vol. 10. № 3 (Jul., 1948). P. 540.

² Gurian W. *Totalitarianism as Political Religion* // *Totalitarianism*. New York, 1964. P. 123.

³ См. современные работы, упоминающие об идеократии: Versluis, Arthur. *New Inquisitions: Heretic-Hunting and the Intellectual Origins of Modern Totalitarianism*. Cary, 2006; Chang, Maria Hsia. *Falun Gong: The End of Days*. New Haven, 2004. Примечательно, что термин используется, прежде всего, в контексте КНР.

сущностном, а не формальном обосновании государственной целостности России. Закономерно, что внимание к евразийству вновь проявилось спустя семьдесят лет после его возникновения. В начале 1990-х гг. были опубликованы многочисленные труды Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, отстаивавшие сущностное единство Евразии и целостность России как государства, поставленную под сомнение событиями того времени.

Не исключено, что очередной критический период отечественной истории снова вызовет повышенный интерес к политико-правовым моделям евразийцев. Эскалация межэтнической и межрелигиозной напряженности обнажает проблему сосуществования народов в пределах России. Решение Верховного Суда Российской Федерации признать не соответствующим федеральному законодательству положение акта Республики Башкортостан, устанавливающее в качестве нерабочих дней ряд исламских праздников⁴, вызвало крайне негативные отклики российских мусульман. Подобная реакция демонстрирует, что игнорирование судом культурных особенностей народов России не упраздняет проблем межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

Некоторые идеи, предложенные евразийцами, способны помочь ученым и практикам в понимании связи правовой системы общества с иными значимыми его системами. Так, П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой считали основой существования правопорядка в России «месторазвитие» Евразии – социальную общность, определяемую географическими категориями. Данное «месторазвитие», по их мнению, определяет себя в существовании группы народов, спаянных общностью исторической судьбы и живущих в пределах уникального мира – отличного как от «Европы», отделенной от нее «пулковским» меридианом, так и от «Азии», от которой Евразия отграничена хребтами Кавказа, Памира, Тянь-Шаня и т.д.

---

⁴ См.: Определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2011 г. № 49-11-57 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=457796.

Авторы именовали Евразию «многонародной личностью», моменты которой обуславливают друг друга. Потому они и стремились выявить связи различных областей жизни: взаимозависимость хозяйственной деятельности и окружающей среды, развития языка и государственного общения, традиционных стереотипов и права. По этой причине многие зарубежные и российские авторы считают евразийцев предтечами структуралистов⁵.

Несмотря на некоторую методологическую ограниченность, подобный подход позволяет ответить на ключевые вопросы, актуальные для настоящего времени: чем сущностно обоснована территориальная целостность России? Почему субъекты Российской Федерации не имеют права выхода из состава единого государства? Достаточно ли заявить, что это запрещает позитивное право, поскольку принцип территориальной целостности государства превалирует над принципом самоопределения наций? Евразийцы не удовлетворились бы данным ответом. Политико-правовое единство народов России они объясняли системной целостностью евразийского «месторазвития». Личность Евразии для них не конструируема, но онтологична, реальна. Исходя из этого, должны существовать государство и право как особые формы организации этого «месторазвития».

Политико-правовые воззрения евразийцев, актуальны как для юристов, занимающихся философией права, поскольку те задаются вопросом, что есть предправо, делающее возможным право, так и для специалистов в области конституционного права, учитывая то обстоятельство, что евразийцы предложили собственные проекты государственного устройства России.

Степень разработанности темы

Среди трудов, так или иначе рассматривающих политико-правовые воззрения евразийцев, можно выделить три неравные по составу группы.

---

⁵ См. об этом: Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30 гг. М., 2001. С. 34; Дугин А.Г. Преодоление Запада (эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 21.

1. К первой группе следует отнести работы русских ученых-эмигрантов первой половины XX в., рассматривавших евразийство как живое идеологическое течение и критиковавших его политико-правовые аспекты. Исследовательские установки у этих авторов часто сочетались с политико-идеологическими, поэтому их видение евразийства не всегда было сугубо научным.

В трудах Н.А. Бердяева, М.В. Вишняка, С.И. Гессена, Б.С. Ижболдина, И.А. Ильина, А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Г.В. Флоровского можно найти преимущественно негативную оценку политических и юридических взглядов евразийцев. В статьях Ю.А. Ширинского-Шихматова и Н.В. Устрялова – в целом комплиментарное к ним отношение.

Негативную реакцию у многих деятелей эмиграции вызвал подход Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, утверждавших амбивалентный характер российской культуры, и в связи с этим – российской государственности, которая сочетала, по мнению евразийцев, черты как европейских, так и азиатских политических форм. Критика выводила из этого «географический детерминизм», пренебрежение христианской идеей, сближающей Россию и Европу. Подобные претензии озвучивали светские либеральные авторы, к примеру, П.Н. Милюков, и православные мыслители, например, Г.В. Флоровский, отошедший от евразийства в середине 1920-х г⁶.

Евразийцы стремились выявить как негативные, так и позитивные стороны Октябрьской революции, что дало основание критикам обвинить их в «пробольшевистской» или же криптобольшевистской позиции, направленной на признание и вследствие этого оправдание советского государства⁷. Иные мыс-

---

⁶ Милюков П.Н. Третий максимализм // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 326-327; Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 251.

⁷ Вишняк М.В. Рец. на: Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (Советский строй и его возможности) // Современные записки. 1927. № 32. С. 489-490.

лители обвиняли евразийство в «этатизме»⁸, многие проводили параллели между евразийской идеократией и фашизмом⁹.

Особое внимание нужно уделить высказываниям русско-французского юриста и социолога Г.Д. Гурвича. Его статьи содержат собственно правовую критику евразийства: автор подверг сомнению воззрения Н.Н. Алексеева и В.Н. Ильина, сочтя их неоригинальными и крайне умозрительными¹⁰. Тем не менее, диссертант утверждает, что Г.Д. Гурвич не только отрицал некоторые взгляды евразийцев, но и развивал ряд их тезисов. К примеру, - именование Н.Н. Алексеевым права как сферы признания ценностей, а также суждение Л.П. Карсавина о правовом опыте как опыте коллективном.

2. Вторая группа включает труды иностранных авторов второй половины XX в., проявлявших к евразийству преимущественно исследовательский интерес.

Первым серьезным европейским исследованием о евразийстве стала монография немецкого ученого О. Бёсса (1961), фрагмент которой был опубликован в России в начале 1990-х гг.¹¹ В данном труде справедливо подчеркивается то, что Н.Н. Алексеев считал неотъемлемым признаком права связь правомочия и обязанности. О. Бёсс также упоминает о стремлении евразийца заменить «объективное право» термином «установленное право», поскольку первое словосочетание обосновано благодаря нормативистскому пониманию права¹².

Американский историк Н.В. Рязановский опубликовал в середине 1960-х гг. статью, характеризующую общие признаки евразийства, включив его, прежде всего, в контекст русской общественной мысли¹³.

---

⁸ Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 302.

⁹ Гессен С.И. Евразийство // Современные записки. 1925. № 27. С. 499; Степун Ф.А. Рец. на: Евразийский временник. Книга третья. Евразийское издательство // Современные записки. 1923. № 15. С. 404.

¹⁰ Гурвич Г.Д. Пророки // Дни. № 796. 23 июня 1925 г. С. 2-3; Он же. Социализм и собственность // Современные записки. Париж, 1928. № 26. С. 346-382.

¹¹ Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20 Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

¹² Ibid. S. 85.

¹³ Riasanovsky. N.V. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. Vol. 4. Pp. 39-72.

Впоследствии зарубежных работ на данную проблематику становилось все больше. Появлялись как монографии - к примеру, труд Шт. Видеркера «Евразийское движение. Наука и политика в российской эмиграции межвоенного времени и в постсоветской России», - так и отдельные статьи М. Байссвенгера, М. Бэссина, Л. Люкса, М. фон Хагена, Д. Шляпентоха.

Наиболее же значимой из зарубежных работ, по нашему мнению, является труд швейцарского филолога П. Серио «Структура и целостность». Автор наметил связи между евразийством и европейским структурализмом. Пражский лингвистический кружок, в который входили и евразийцы, по мнению автора, стал лабораторией, идейно воздействовавшей на французских ученых¹⁴. Евразиец Р.О. Якобсон был лично знаком с антропологом К. Леви-Строссом и вдохновил того на структуралистские исследования. Как и филологи-евразийцы, изучавшие структурные элементы языка и пытавшиеся посредством них обосновать коллективистские представления народов Евразии, структуралисты стремились к поиску базовых сходств в различных областях жизни.

Однако евразийцев и другого предшественника структурализма Ф. де Соссюра (1857—1913) разделяло, прежде всего, то, что Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон вовсе не считали Евразию конвенциональной конструкцией, посредством которой они бы могли обосновать свои взгляды. Она была для них реальной «многонародной личностью», из единства которой следовала взаимосвязанность ее ипостасей – экономики, права, политики. Подобные выводы П. Серио объяснял влиянием на евразийцев неоплатонизма, утверждавшего особое бытие идей.

Французский историк М. Ларюэль развивает взгляды П. Серио. В частности, она упоминает о неоплатонизме евразийцев, а также об их предструктуралистских позициях¹⁵. Автор связывает возникновение евразийства в т.ч. с «восточными» устремлениями русских интеллектуалов начала XX в., отраженными

---

¹⁴ Серио П. Указ. соч. С. 32-33.

¹⁵ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 53, 60.

в стихах А.А. Блока и В.Я. Брюсова, хотя и заявляет о том, что нельзя рассматривать евразийство исключительно в «русском» контексте¹⁶.

Концепции П. Серио близки воззрения историка С. Глебов. Последнего вроде бы нужно отнести к группе российских ученых, писавших о евразийстве. Тем не менее, в предисловии к своей работе он выражает особую благодарность П. Серио, а также иным упомянутым авторам за помощь в ее написании¹⁷, почти не упоминая об отечественных исследователях евразийства. Ориентируясь, прежде всего, на зарубежную традицию, автор констатирует преемственность между евразийством и структурализмом и даже называет одну из глав своей работы «Мысля империю “структурно”: евразийская наука в поисках единства»¹⁸.

Значимой для С. Глебова и многих других зарубежных авторов является констатация близости политико-правовых взглядов евразийцев к фашизму. Ученый заявляет о том, что евразийство сближает с фашизмом эстетизация политики: политика являлась для обоих течений итогом духовного опыта, «...а не рациональным отражением соотношения социальных сил»¹⁹.

Таким образом, зарубежные авторы интерпретирует политико-правовые воззрения евразийцев, прежде всего, в связи со структурализмом. Некоторые также проводят параллели с политической и правовой философией фашизма, что, на наш взгляд, не совсем верно.

3. Третья группа работ включает в себя советскую и российскую научную литературу о евразийстве, гораздо более разнородную по содержанию, чем зарубежная.

Проблематика евразийства в отечественной науке начинает обозначаться с конца 1970-х гг. Историк В.В. Комин в своем труде о русских эмигрантских движениях подчеркивает преемственность евразийцев «веховцам». Автор от-

---

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Автор также благодарит М. Байсвенгера, М. Бэссина, М. Ларюэль, Шт. Видеркера и др. См.: Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 95-121.

¹⁹ Там же. С. 122.

мечает и то, что евразийцы положительно оценивали систему советов как представительных органов, из-за чего их даже называли «православными большевиками». Ввиду этой амбивалентности он считает политико-правовые взгляды евразийцев противоречивыми, сочетающими религиозные и псевдокоммунистические начала, ввиду чего «надуманное бесперспективное евразийство [и] нашло свое место на кладбище идей, рожденных антисоветской эмиграцией в пореволюционный период»²⁰.

В схожем ключе описывает евразийство Г.Ф. Барихновский, полагаящий, что евразийство стремилось заменить партию коммунистов иной, носящей имя «Отбор»²¹. Видимо, к этому выводу автор приходит, своеобразно интерпретировав стремление евразийцев сменить главенство ВКП(б) идеократическим отбором.

Одними из первых серьезных исследований политического евразийства стали работы историка права и государства И.А. Исаева²². То, что для упомянутых советских авторов являлось предметом насмешек, вызвало у ученого несомненный академический интерес. Так, И.А. Исаев включал политическое евразийство в контекст «политико-правовых утопий», указывая на то, что характер идеократического отбора, его «...подчеркнутый формализм и замкнутость исключительно на принципе (а не на конкретном содержании идеиправительницы)...» обеспечивали условия для утопического конструирования²³.

Публикация трудов Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого в России в 1990 гг. привела к появлению множества текстов, в которых анализируется проблематика евразийства. В данном контексте следует выделить философские, культурологические, социально-экономические, исторические труды С.С. Аве-

---

²⁰ Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 105.

²¹ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921-1924 гг. Л., 1978. С. 152.

²² Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России: Конец XIX - нач. XX в. М., 1991. С. 203-233; Он же. Утописты или провидцы? // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 3-26.

²³ Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. С. 226.

ринцева, А.В. Антощенко, В.Ю. Быстрыкова, М.Г. Вандалковской, А.Г. Гачевой, А.Н. Дмитриева, О.А. Казниной, Ю.В. Колесниченко, В. Я. Пашенко, С.В. Селиверстова, А.В. Соболева, Б.Е. Степанова, В.Л. Цымбурского, С.С. Хоружего, В.А. Шнирельмана.

Несмотря на достоинства этих работ (актуализация евразийства, поиск новых контекстов, оригинальность интерпретаций, информативность) упомянутые исследователи не всегда учитывают значимые нюансы.

Так, М.Г. Вандалковская рассматривает евразийство, как целостную и непротиворечивую систему, не замечая различий во взглядах Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого. Вместо того, чтобы подчеркнуть, что именно Карсавин отрицал социологию как науку, она пишет о евразийцах, отвергающих социологию²⁴. Такие обобщения могут породить у читателя превратные представления о воззрениях евразийцев на государство и право. Абсолютное большинство евразийцев отрицало не социологию саму по себе, но механизм в социологии, концепции социального атомизма. Ключевое для евразийства понятие идеократии названо П.Н. Савицким понятием «селекционной социологии»²⁵.

Подобные не совсем точные параллели отсутствуют в трудах историка А.В. Соболева. На основании первоисточников автор обоснованно отрицает аналогии между евразийством и фашизмом²⁶. Кроме того, он включает воззрения евразийцев, прежде всего, в контекст русской общественной мысли: философско-правовых воззрений П.И. Новгородцева, политических взглядов И.А. Ильина. Также следует выделить исторические диссертационные исследования о евразийстве за авторством А.В. Самохина и О.А. Сухоруковой²⁷.

---

²⁴ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М. 1995. С. 21.

²⁵ Савицкий П.Н. Споры о евразийстве // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931. С. 25-26.

²⁶ Соболев А.В. Об отношении евразийцев к фашизму // Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008. С. 220-224.

²⁷ Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006; Сухорукова О.А. Формирование концепции государства во взглядах евразийцев: 1920-30-е гг. Дисс. ... канд. истор. наук. Тверь, 2004.

Диссертационные юридические исследования, посвященные политико-правовым моделям евразийства, написаны А.В. Крымовым и А.Г. Палкиным²⁸. Первый из авторов сосредоточивает свой взгляд на сравнении «евразийской идеократии» с воззрениями В.С. Соловьева. При этом, сопоставляя мнения Н.Н. Алексеева и Л.П. Карсавина, он подчеркивает внутреннюю противоречивость политико-правовых воззрений евразийцев. Автор обоснованно резюмирует, что первый ориентировался, прежде всего, на западноевропейскую юриспруденцию.

А.Г. Палкин, несмотря на «теоретичность» названия своей работы, наибольшее внимание уделяет историко-правовым, историософским воззрениям евразийцев, а также их государственно-правовым проектам. Автор подмечает важные связи между евразийцами и взглядами Н.М. Карамзина, А.П. Щапова, Д.И. Менделеева. Исследователь полагает, что у истоков евразийства находились Н.Н. Алексеев и М.В. Шахматов, хотя должно отметить, что первый присоединился к евразийству лишь в 1926 г., тогда как второй никогда к движению не примыкал.

Помимо трудов, посвященных проблематике евразийства как целостного течения, отдельно нужно выделить группу юридических работ, посвященных наследию ведущего евразийского юриста Н.Н. Алексеева. В 1998 г. появился сборник его трудов под названием «Русский народ и государство», содержащий вступительную статью А.Г. Дугина «Теория евразийского государства», а также биографическую справку Д.Б. Тараторина²⁹.

В том же году были опубликованы «Основы философии права» Н.Н. Алексеева со вступительной статьей за А.П. Альбова, Д.В. Масленникова и М.Б. Ревновой, обозначившей связи воззрений русского правоведа с европей-

---

²⁸ См.: Крымов А.В. Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С. Соловьева. Дисс. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2009; Палкин А.Г. Концепция государства в учении евразийцев. Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.

²⁹ Тараторин Д. Николай Алексеев // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 625-630.

ской наукой и философией³⁰. А.В. Поляков в статье «Разочарованный странник» подчеркнул эволюцию взглядов Н.Н. Алексеева³¹.

В 2008 г. В.А. Томсинов, используя не только научные труды, но и мемуары ученого, пытался доказать, что воззрения евразийца можно считать «...одним из наиболее значительных достижений русской эмигрантской юриспруденции».³² Автор, впрочем, подчеркивал, что Н.Н. Алексеев, разработав теорию евразийского государства, не создал соответствующей ей последовательной теории права.

В 2000-х гг. появились диссертационные юридические и политологические исследования творчества Н.Н. Алексеева за авторством И.В. Борщ, И.В. Новожиной, С.П. Овчинниковой, И.Н. Судоргиной³³. Наиболее цельной представляется работа И.В. Борщ. Автор проводит периодизацию творчества Н.Н. Алексеева, делая его образ рельефным. Глубина исследования достигается за счет изучения ценных автобиографических записей ученого и сопоставления его взглядов с воззрениями Э. Гуссерля, М. Шелера и А. Райнаха.

Между тем, при всем многообразии работ нет ни одного диссертационного исследования, специально посвященного правовым аспектам евразийства, а не взглядам отдельных авторов, традиционно к нему относимых. Тем более, не появилось трудов, рассматривавших правовые и политические воззрения евразийцев в их взаимосвязи. Данное исследование стремится восполнить этот пробел.

Объектом исследования является евразийство как сложное, многоаспектное течение российской общественной мысли XX в. **Предметом** выступа-

---

³⁰ Альбов А.П., Масленникова Д.В., Ревна М.Б. Николай Алексеев: между стихией и Логосом // Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб, 1998. С. 3-18.

³¹ См.: Поляков А.В. Разочарованный странник // Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб, 2001. С. 346-358.

³² Томсинов В.А. Николай Николаевич Алексеев (1879-1964). Биографический очерк // Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М.: Зерцало, 2008. С. XXII.

³³ Борщ И.В. Философия права Н.Н. Алексеева. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Новожинова И.В. Государственно-правовое учение Н. Н. Алексеева. Дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002; Овчинникова С.П. Российская правовая государственность; евразийский проект Н. Н. Алексеева. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001; Судоргина И.Н. "Государство", "власть", "личность" в государственно-правовой концепции Н. Н. Алексева. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

ют политико-правовые воззрения евразийцев в контексте российского государственного устройства XX в.

Под евразийством диссертант понимает идейное движение, зародившееся в 1921 г. и распавшееся в конце 1930-х гг. Позднейшее «неоевразийство» 1990-х гг. рассматривается как интерпретация и, в известном смысле, «реанимация» классического евразийства. Подробное изучение «неоевразийства» заслуживает отдельного исследования, поэтому в данной работе оно описывается лишь в связи с тем необычным контекстом, в какой в 1990-х гг. включались работы классиков евразийства.

Целью исследования является определение содержания и общественно-политического значения государственно-правовых воззрений евразийцев.

Данная цель реализована посредством решения следующих **задач**:

- выявления идейно-исторических основ евразийства;
- определения основных этапов и закономерностей развития политико-правовых воззрений евразийцев в XX в.;
- проведения анализа и систематизации теоретических воззрений евразийцев на государство, выявления их толкования понятий «территория», «население», «власть» в контексте понятия государства;
- изучения и осмысления мнений евразийцев по поводу соотношения «права» и «закона», определения основных правовых и политических понятий, использованных евразийцами: «правообязанности», «функциональной собственности» и т.д.;
- характеристики основных черт проекта «евразийской конституции».

Методология исследования включает в себя ряд общенаучных методов (анализ, синтез и др.), а также специально-исторические и специально-юридические методы.

При реконструировании политико-правовых воззрений евразийцев применялись историко-генетический и биографический методы, в контексте соот-

ношения подобных взглядов с гуманитарной мыслью Европы и России того времени – историко-системный.

При анализе правовых понятий, упомянутых в трудах евразийцев, диссертант использовал формально-юридический и общенаучный сравнительный методы. Важность последнего в том, что он позволил сопоставить определения ключевых политических и правовых понятий и выявить внутреннюю противоречивость евразийской политической и правовой философии.

Основной установкой данной работы является сосредоточенность на мыслях и выводах самих евразийцев, а не позднейших трактовках и коннотациях конца XX в. Многие зарубежные историки стремятся актуализировать и политизировать евразийство, показав закономерности его развития на примере укрепления «неоевразийства» в России времен 1990-х гг., формирования национальной идентичности в бывших советских республиках, намечают связи между евразийством Н.С. Трубецкого и постколониальными исследованиями, к примеру, работами американского автора 1970-х гг. Э. Саида³⁴. Не подвергая сомнению возможность такого подхода, автор исследования придерживается несколько иных позиций.

Под евразийцами подразумеваются вовсе не все авторы, выражавшие воззрения, схожие с мнениями П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексева - в таком случае нам бы пришлось причислить к нему и М.В. Шахматова. Евразийство воспринимается нами как течение, оформленное институционально. Ключевым фактором «включения» в евразийство мы полагаем фактор признания автора «евразийцем», исходившего от лидеров движения – Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

Исходя из данной методологической установки, **источниковой базой** исследования являются работы евразийцев, опубликованные в собственно евразийских изданиях – прежде всего, в «Евразийских временниках» и «Евразий-

---

³⁴ Фон Хаген М. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // *Ab Imperio*. № 1. 2004. С. 134.

ских хрониках». Также были изучены монографии и брошюры евразийцев, вышедшие как в евразийских, так и в иных издательствах³⁵. Исследовались статьи евразийцев в периодических изданиях русского зарубежья – журналах «Путь», «Новый град», анализировалась переписка евразийцев, опубликованная в сборниках под ред. К.Б. Ермашиной, А.В. Соболева и С. Глебова³⁶, в которой, к примеру, содержатся воззрения на государство Н.С. Трубецкого: его определение понятия государства и проект «многопарламентской системы».

Также исследовались сборники трудов евразийцев, вышедшие в 1990-х гг. и являвшие собой переиздание статей и монографий 1920-1930 гг., иные вновь опубликованные статьи евразийцев. Важные материалы: переписка, конспекты лекционных курсов (к примеру, о государственном праве России за авторством Н.Н. Алексеева) – найдены в Государственном архиве Российской Федерации. Особое внимание уделялось фондам: 5765 (Русский юридический факультет г. Праги), 5783 (П.Н. Савицкий), 5911 (К.А. Чхеидзе).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на теоретическом уровне исследуются правовые и политические взгляды евразийцев в их взаимосвязи, проводится анализ правовых и политических понятий, использованных евразийцами («идеократия», «правообязанность» и др.). В работе показано, как возникшая в начале 1920-х гг. евразийская идеология нивелировала политико-правовые взгляды Л.П. Карсавина, Н.Н. Алексеева, по каким причинам авторы отказывались от прежних, «неевразийских» суждений, как создавалась общепринятая терминология евразийства. Объясняется, почему ученые, пытаясь сохранить верность прежним воззрениям, придавали различные смыслы одинаковым терминам.

Ключевое значение придается концептуальному аспекту политико-правовых воззрений евразийцев, а не их историософской, общеисторической,

---

³⁵ См. напр.: Алексеев Н.Н. Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. Берлин: Издание евразийцев, 1936; Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. Paris: YMCA Press, 1930.

³⁶ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928. М., 2008; Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // Соболев А.В. О русской философии. М., 2008. С. 327-493; Из переписки евразийцев, 1921-1928 // Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М., 2010. С. 177-620.

историко-правовой оценке развития Российского государства. Хронологический нарратив присутствует лишь во втором параграфе первой главы, посвященном историческому развитию политико-правовых идей евразийства.

Важной частью работы является поиск преемственности между евразийской и европейской политико-правовой мыслью, в связи с чем анализируются «доевразийские» труды ученых: именно в них подобная связь более очевидна. В научный оборот вводятся новые сведения, основанные на архивных материалах.

Положения, выносимые на защиту:

1. В диссертации обосновывается, что, вопреки мнению Н.С. Трубецкого, идейные начала политико-правовых взглядов евразийцев основаны не только на взглядах «национально ориентированных» российских авторов (славянофилов, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева), но и не в меньшей степени – на воззрениях европейских философов (Э. Гуссерля, М. Шелера), правоведов (Л. Дюги) и российских юристов, причастных контексту зарубежной правовой мысли (Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева).

2. Евразийцы, по мнению диссертанта, не сформулировали общепринятого для движения определения понятия права. В связи с этим нельзя заявлять о существовании «евразийской» школы права. Так, Н.Н. Алексеев был близок представителям феноменологических теорий права, Н. А. Дунаев – правовому позитивизму, В.Н. Ильин – естественно-правовому направлению. Л.П. Карсавин спроецировал на область права учение о всеединстве, предложенное немецкими философами и развитое в России В.С. Соловьевым.

3. Евразийцы, отталкиваясь от теории «месторазвития», рассматривали государство: 1) как хозяйство, связанное с природной средой – территорией как субстанциональным началом; 2) как нравственное явление; 3) как право. Однако они не сформулировали понятия государства, общепринятого для движения, в связи с чем Н.С. Трубецкого можно назвать «политическим персоналистом»,

Л.П. Карсавина – «политическим органицистом», Н.Н. Алексеева – «политическим функционалистом».

4. В диссертации обосновывается, что термин «правообязанность» в трудах евразийцев имеет несколько значений. В теоретико-правовом контексте «правообязанность» является юридической категорией, поскольку представляет собой органическое единство правомочия и юридической обязанности. В историко-философском контексте – категорией нравственно-правовой: «правообязанность» распадается на правомочие и нравственную, а не юридическую обязанность.

5. По мнению диссертанта, концепция идеократии, представленная евразийцами, является внутренне противоречивой. Идеократия трактовалась ими как государство «внутренней правды» (Н.С. Трубецкой) и как государство «внешней правды» (Н.Н. Алексеев), что обусловило наличие у евразийцев нескольких политико-правовых моделей идеального государства в России: «многопарламентской системы» Н.С. Трубецкого, развивавшего идеи Платона, и «смешанного» правления Н.Н. Алексеева, близкого воззрениям Аристотеля.

6. Евразийцы сформулировали ряд важных вопросов, значимых для наук о государстве и праве: о принципиально «внеевропейском» понимании государства и права, влиянии ландшафта на формирование государственного целого, проблеме «правообязанности» и др. Однако они не предложили единой методологии изучения государственно-правовых явлений. Данное обстоятельство диссертант объясняет тем, что воззрения евразийцев в этой области являлись противоречивыми, «компромиссными». Ученые, скрываясь за единой терминологией («идеократия», «демотия» и пр.), в действительности расходились друг с другом в ключевых воззрениях на право и государство.

Теоретическая и практическая ценность

Исследование адресовано специалистам, занимающимся историей политических и правовых учений, поскольку оно заполняет пробел в изучении российской общественной мысли соответствующего периода. Материалы и выводы

ды диссертации также могут использоваться при подготовке учебников и учебных пособий по теории государства и права, философии права и др.

Определение понятия «правообязанности» в данной работе представляется важным для специалистов в области конституционного и административного права, а также для должностных лиц, поскольку данная проблематика затрагивает вопросы компетенции государственных органов, обоснованного использования государственными служащими своих полномочий и т.д.

Апробация результатов исследования включает выступления диссертанта с докладом «Воззрения классиков евразийства на право и государство» на круглом столе четвертой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса, проведенного в 2010 г. в г. Екатеринбурге, а также на семинаре «Евразийство: история, аксиология, идеология» в рамках форума «Дни философии в Санкт-Петербурге-2011». Положения, связанные с тематикой работы, неоднократно обсуждались на методологическом семинаре кафедры теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ. Теоретические выводы, озвученные в диссертации, использовались диссертантом при ведении семинарских занятий по курсу «Теория государства и права» на факультете права НИУ ВШЭ.

Структура диссертационной работы включает в себя введение, три главы, объединяющие одиннадцать параграфов, заключение, библиографию.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность работы, дается характеристика степени научной разработанности темы, обозначаются объект, предмет и методология исследования, определяются его цель и задачи, источниковая база. Диссертант формулирует положения, выносимые на защиту, характеризуя научную новизну исследования; указывает на результаты его апробации.

В первой главе «Общая характеристика евразийства как политико-правового течения XX в.» рассматриваются духовно-исторические основы воззрений Н.Н. Алексеева, Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого и др., а также историческое становление евразийства как общественно-политического течения XX в.

В первом параграфе «Идейно-исторические основы политических и правовых взглядов евразийцев» подчеркивается разнообразие направлений общественной мысли, ставших основой политического евразийства.

Диссертант упоминает, что термин «Евразия», обозначающий геологическое единство Европы и Азии, впервые употребил в конце XIX в. австрийский ученый Э. Зюсс. Чуть позже русский историк В.И. Ламанский предложил понятие «Среднего мира», отличного от Европы и Азии; ядро этого «мира», по его мнению, составляет Россия. Сочетая и развивая воззрения Зюсса и Ламанского, П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой пришли к понятию «Евразии» – пространства, отличного, как от Европы, так и от Азии.

Тем не менее, важнейшей основой евразийства стали взгляды иных мыслителей. Евразийцы интерпретировали взгляды ранних славянофилов, а также Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, у которых они переняли соответственно концепцию симфонической, коллективной личности, «цивилизационный» подход, желание осмыслить и объяснить кризис российской и европейской цивилизаций.

Правовые же воззрения евразийцев непосредственно опирались на европейскую философскую и правовую традицию, либо имели своей основой взгляды отечественных авторов, преломлявшие «западные» воззрения. Так, Н.Н. Алексеев в своем учении о праве сочетал воззрения Э. Гуссерля и М. Шеллера. Из русских же авторов наиболее близки ему были Л. И. Петражицкий и П.И. Новгородцев.

В параграфе отмечается противоречивость основ, составлявших ядро евразийской доктрины. С одной стороны, авторы опирались на историзм Н.Я. Да-

нилевского, культурный релятивизм О. Шпенглера. С другой, особенно в правовом аспекте учения, – на универсалистские взгляды П.И. Новгородцева, феноменологию Э. Гуссерля, теорию объективных ценностей М. Шелера (Н.Н. Алексеев), учение о всеединстве В. Соловьева (Л.П. Карсавин). По мнению диссертанта, логически непротиворечивого учения евразийцев о праве и государстве не сложилось из-за изначальной разрозненности воззрений, положенных в его основу.

Во *втором параграфе «Зарождение и развитие воззрений евразийцев на государство и право»* рассматривается историческая эволюция политического евразийства. Диссертант выделяет три этапа развития политико-правовых воззрений евразийцев: с 1921 по 1924 гг., т.е. до присоединения к движению Л.П. Карсавина; с 1925 по 1928 г. – до Кламарского раскола в движении и ухода «левых» евразийцев; с 1929 по 1938 г. – вплоть до фактического распада евразийства.

Подчеркивается, что евразийское государствоведение развивалось, прежде всего, благодаря базовой установке «Европы и человечества» (1920) Н.С. Трубецкого. Последний полагал, что в мире не существует неполноценных общностей, потому необходимо изучать не только европейские государства или, делая на этой основе ряд теоретических выводов, но и иные типы государств. В частности, это воззрение развивал Н.Н. Алексеев в труде «Теория государства» (1931).

В параграфе также обозначается связь евразийства с советским марксизмом. Двойственное отношение евразийцев к марксизму выразилось в том, что они отрицали его как чуждое России европейское учение, но, с другой стороны, подчеркивали его положительные черты: отказ от насильственной русификации народов Евразии, антиколониальную политику. В своем базовом идеократическом устремлении евразийство пересекалось с марксизмом не как «экономико-материалистической» философией, но, прежде всего, как со всеобъемлющей идеологией. Именно поэтому «евразийская» модель институтов публичной вла-

сти схожа с преобразенной советской системой: евразийство сменило бы марксизм, «ведущий слой» – коммунистическую партию, «государственный актив» – партийные органы, при этом бы сохранялись бы федеративное устройство и запрет на партийную конкуренцию.

В параграфе обозначаются иные важные политические и юридические проблемы, осмысленные авторами. Подчеркивается, что многие политико-правовые понятия евразийцев являются синтетическими, «снимающими» такие бинарные оппозиции, как правомочие и обязанность («правообязанность»), монархия и республика («идеократия»), право и нравственность («правда») и др.

Во второй главе «Воззрения евразийцев на государство» анализируются ключевые политические понятия, используемые авторами.

В *первом параграфе «Понятие государства»* подчеркивается, что воззрения евразийцев на государство обладают рядом общих черт.

Во-первых, большинство авторов считало реальность государства производной от жизни «народов»: государство не было для них самоценным явлением, поэтому евразийцев нельзя называть этатистами в точном значении этого термина и, тем более, фашистами.

Во-вторых, ключевое значение для всех евразийцев имело понятие «месторазвития» - социально-исторической среды, определяемой географическими категориями. В соответствии с данным понятием авторы стремились сформулировать понятие государства, переосмыслив т.н. классический подход к государству, выделявший в нем три ключевых момента - территорию, население, публичную власть. Особенно важным для евразийцев представлялось геополитическое обоснование государства, в связи с чем территориальный момент становился субстанциональным, а не формальным.

В-третьих, евразийцы, отталкиваясь от теории «месторазвития», использовали метаправовое понятие государства. Авторы рассматривали государство в трех его ипостасях: государство как хозяйство, связанное с природной средой – территорией как субстанциональным началом; государство как религиозно-

нравственное явление; государство как право. Исходя из этого, государство не может рассматриваться лишь как порядок, что противоречило известному в то время «чистому учению о праве» Г. Кельзена.

Тем не менее, определения понятия государства, предложенные евразийцами, противоречили друг другу. Л.П. Карсавин именовал государство особой личностью, Н.С.Трубецкой считал реальность государства производной от личности народа, отрицая за государством личный характер. Н.Н. Алексеев вовсе называл народ и государство определенными порядками общения. Кроме того, взгляды последнего на историческое развитие Российского государства отличались от взглядов лидеров евразийства – Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

Во *втором параграфе «Государство и территория»* подчеркивается, что территориальный момент государства для евразийцев был особенно важен, поскольку они подчеркивали неразрывную связь развития общности с тем пространством, какое она занимала. Авторы отрицали то, что можно создать универсальное юридическое учение о территории. По их мнению, нельзя сформулировать каких-либо выводов относительно связи абстрактного политического строя с абстрактной территорией; необходимо сравнивать данности: описывать и анализировать конкретный политический строй в его взаимосвязи с конкретной, «живой» территорией.

В связи с этим особую значимость приобретало понятие «месторазвития». Обозначая определенное отношение между общностью людей и конкретной территорией, «месторазвитие», по мнению евразийцев, определяет судьбу этой общности. Так, «месторазвитие Евразии», представляющее собой единое пространство - своеобразную чашу, окруженную горами и морем, предполагает, по мнению П.Н. Савицкого, определенный тип хозяйствования, вызывающий необходимость политического объединения этого мира в форме «империи» как «государства-мира». Впервые, по предположению авторов, подобную попытку сделала империя Чингисхана. Впоследствии объединителем Евразии становится Российское государство.

В данном параграфе также показано, каким образом обозначенные воззрения на территорию нивелировали суждения, высказанные авторами до их присоединения к евразийству. К примеру, Н.Н. Алексеев, изначально считавший государство внетерриториальным понятием, под воздействием евразийских идей изменил свое мнение.

Третий параграф «Государство и народ» содержит анализ понятия «многонародной личности Евразии», которую евразийцы считали ключевым субъектом развития.

Учение о коллективной личности, унаследованное евразийцами от славянофилов, привело первых к выводу, что народ, поскольку именно он является субъектом развития, должен рассматриваться как целое. Целое при этом не может рассматриваться как механическая совокупность индивидов, поскольку развитие - актуализация чего-либо ранее не бывшего - в отличие от изменения отрицает деление субъекта развития на «элементы». Народ рассматривается не как пространственно-разъединенная общность индивидов, взаимодействие между частями которого можно объяснить причинно-следственными связями, но как единство, в котором все части обуславливают друг друга. Поэтому развитие народа как коллективной личности не предполагает рассмотрения его лишь как множества индивидов, но одновременно и как единства, и как множества.

Общность народа воспринималась евразийцами как целое, чьи отдельные свойства проявлены в индивидах. Даже особенные свойства индивида, по мнению Л.П. Карсавина, присущи народу как более богатому средоточию качеств. Культура раскрывается в народной личности, наделенной исторической памятью. Эта память не отождествляется с суммой отдельных воспоминаний индивидов, составляющих данный народ. В связи с этим единичная личность должна быть рассмотрена только в связи с народом, к которому она относится. Поэтому и нельзя называть индивида первичным субъектом политико-правового общения; таковым может считаться лишь общность, народ.

Учение о народе превращалось в контексте «России-Евразии» в учение о «многонародной личности», чьей политической формой существования должна быть империя. Подобное государство призвано стать национальной федерацией, поскольку именно в ней гарантируется равенство народов и реализуется принцип единства «месторазвития», отрицающий право сецессии.

При этом ключевой задачей гуманитарных и естественных наук в России должно стать, по словам Н.С. Трубецкого, изучение различных аспектов «многонародной личности» в их тесной взаимосвязи. По мнению евразийцев, нельзя разрабатывать чистое учение о праве, не обращая внимания на психологию и историю, учение о государстве – без знания географии и экономики.

Вместе с тем, диссертантом подчеркивается, что воззрения Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого и Н.Н. Алексеева на личность отличались друг от друга. Употребляя одни и те же термины, авторы часто придавали им различные значения. К примеру, Н.Н. Алексеев полагал, что можно называть народ личностью лишь иносказательно, настоящей же личностью он считал лишь индивидуальную личность, какую и называл правовым субъектом.

В *четвертом параграфе «Государство и власть»* рассматриваются воззрения евразийцев на природу власти и формы ее проявления в идеальном государстве. Власть понималась авторами не как проистечение воли, но как эманация знания, проявление доблести, что говорит о влиянии Платона.

Впервые термин «идеоправство» использовал в статье «Подданство идеи» (1923) П.Н. Савицкий. Развивая это воззрение, Н.С. Трубецкой пришел к концепции идеократии – общественного строя, основанного на единстве мирозерцания. Идеократия, по мнению автора (высказанного в конце 1920-х гг.), может существовать как в рамках монархии, так и республики. Именно поэтому споры о форме правления не являлись для евразийцев такими же значимыми, как и вопрос о построении подлинной идеократии.

Если Н.С. Трубецкой считал идеократию достижимым политическим порядком, то К.А. Чхеидзе, следуя за русским философом Н. Ф. Федоровым, рас-

сма­три­вал этот вопрос в антропологической и даже космологической плоскости. По мнению автора, «пластичность», организуемость мира предполагает возможность его построения на единой основе, идее³⁷.

В 1930-х гг. идеократия начинает восприниматься многими евразийцами как возможный итог новой эпохи, а не только лишь политической реформы. Если подобная идеократия - идеал, то идеократия в узком смысле, как достижимый здесь и сейчас политический порядок, способна стать государством лишь «внешней правды». Такое государство Н.Н. Алексеев впоследствии назвал «гарантийным»: оно не стремится к единству мирозерцания, но формирует некое консолидированное общественное мнение, ограничивая себя при этом нравственными и правовыми гарантиями населению.

Концепция идеократии, предложенная Н.С. Трубецким, была переосмыслена в 1950-х гг. американским социологом В. Гурианом, именовавшим «идеократическими» тоталитарные режимы.

Третья глава «Правовые воззрения евразийцев» содержит анализ ключевых правовых понятий, используемых евразийцами.

В *первом параграфе «Понятие права»* приводятся определения права, сформулированные В.Н. Ильиным, Л. П. Карсавиным и Н.Н. Алексеевым. Их сопоставление привело диссертанта к выводу, что евразийцы демонстрировали различные трактовки сущности права, противоречившие друг другу.

В.Н. Ильин, предложивший понятие «правды», как общего начала нравственности и права, был близок естественно-правовым теориям. Л.П. Карсавин пытался спроецировать на область права теорию «всеединства», полагая право нижней ступенью нравственности. В связи с этим автор считал основными признаками права охранительность и принудительность.

Н.Н. Алексеев, интерпретируя идеи Э. Гуссерля и М. Шелера, примыкал к феноменологическим теориям права. Ученый считал элементами правовой

---

³⁷ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Нарва, 1933. С. 16-20.

структуры: 1) субъекта (как носителя сознания); 2) ценности; 3) связь субъекта и ценностей, выражающуюся в базовых правовых соответствиях – правомочии и юридической обязанности. Таким образом, для Н.Н. Алексеева принудительность - внешний, вторичный признак права, связанный с «законоустановлением» государства.

Второй параграф «Право в системе социального регулирования» посвящен проблематике взаимосвязи правовых, моральных и социально-технических норм, а также вопросу о соотношении «правоустановления» и «законоустановления» в трудах евразийцев.

Различные понятия права привели авторов к противоречащим друг другу концепциям соотношения права и нравственности. Если Н.Н. Алексеев, различая право и нравственность, считал справедливость основной правовой ценностью, то Л.П. Карсавин называл ее низшей нравственной ценностью.

При этом Н.Н. Алексеев различал понятия «социальная норма» и «правоположение». Первая устанавливает, прежде всего, обязанности субъектов, тогда, как второе наделяет их также и правомочиями. Исходя из этого, автор считал неправильным отождествление законодательного установления с «правоустановлением». При «законоустановлении» обеспечиваются принудительной силой не только правоположения, но также технические и нравственные нормы. «Правоустановительная» же деятельность осуществляется не в силу веледения государства: она есть деятельность рассудка, государство лишь придает этому праву общеобязательный, «установленный» характер.

Ввиду этих причин Н.Н. Алексеев различал понятия «закон» и «право». Смысл подобного различения для евразийства состоял в том, что оно обосновывало существование идеократии – государства, осознавшего свое внеправовое, положительно-нравственное и «хозяйское» значение и закрепляющего в форме закона также и внеправовые нормы.

В третьем параграфе «“Правообязанность” как юридическое и нравственно-правовое понятие» представлена история появления данного термина

в трудах евразийцев. Анализируется дискуссия по поводу природы полномочия между Н.Н. Алексеевым, впервые употребившим в контексте евразийства термин «правообязанность» как синоним полномочия, и Н.А. Дунаевым, считавшим полномочие «служебным правом».

Диссертант защищает то утверждение, что большинство полномочий государственных органов не является ни обязанностями, ни специфическими «правами», но соединением этих начал – «правообязанностями». Тем не менее, наряду с «полномочиями-правообязанностями», в состав полномочий включаются и специфические полномочия-права, которые связаны со свободным усмотрением должностных лиц по их использованию, и полномочия-обязанности, не содержащие в себе начала полномочия.

В данном контексте «правообязанность» предстает юридическим понятием. Однако в связи с рассуждениями Н.Н. Алексеева о власти неограниченного монарха «правообязанность», по мнению диссертанта, является нравственно-правовым понятием: она распадается на правомочие и нравственную, а не юридическую обязанность.

В *четвертом параграфе «“Функциональная собственность” и “государственно-частная” система хозяйства»* подчеркивается, что конструкция «функциональной собственности» в трудах евразийцев возникла под влиянием Л. Дюги, выдвигавшего концепцию «собственности как функции». «Функциональная собственность» предполагает ограничение правомочий собственника властью общественного целого, в частности, усиленный контроль государства за пользованием недвижимого имущества. Впоследствии подобный взгляд привел евразийцев к отрицанию частной собственности на землю.

«Функциональная собственность» стала основой модели «государственно-частной системы» хозяйства, сочетавшей, по мнению П.Н. Савицкого, экономический этатизм и концепцию сильного индивидуального хозяйственника. Это противоречие в начале 1930-х гг. было снято: находясь под впечатлением

советской модернизации, евразийцы начали отстаивать незыблемость планового хозяйства, выразившего торжество «организационной идеи».

В *пятом параграфе «Евразийская конституция: форма и содержание»* анализируются ключевые государственно-правовые понятия, использованные евразийцами: «гарантийное государство», «демотия» и пр.

Диссертант отмечает, что Н.С. Трубецкой и Н.Н. Алексеев, предлагали проекты дуалистического правления, сочетавшего в себе идеологическую константу («идеократический» актив) и динамическое начало («демотическое», т.е. народное представительство). Тем не менее, авторы предложили две различные модели государственно-правового устройства.

Н.С. Трубецкой, исходя из своего учения о народе как личности, отстаивал «многопарламентскую систему», где в трех законодательных органах, представляющих различные моменты этой личности и принимающих нормы, обязательные для всех, заседали бы соответственно идеологи, «спецы» и представители «чаяний населения». Подобная модель, по мнению диссертанта, испытывает влияние взглядов Платона на идеальное государство.

Н.Н. Алексеев, отталкивавшийся от идей Аристотеля, отстаивал «смешанное» правление, которое он сконструировал, развивая советскую государственную модель. Монархическое, аристократическое и демократические начала в государстве представляли соответственно избираемый законодательным органом президент, неизбираемый «идеократический актив» и представительный орган (Высший совет).

В **заключении** диссертант, обозначая итоги исследования, формулирует выводы, обоснованные в основной части работы, подчеркивает возможности дальнейшего развития политико-правовых взглядов евразийцев.

По теме исследования диссертантом опубликованы следующие работы общим объемом 5.7 п. л.:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Воззрения классиков евразийства на право и государство // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 55-59. (0.5 п.л.)

2. Идеино-исторические основы политических и правовых взглядов евразийцев // Право и политика. 2011. № 9. С. 1558 – 1575. (1.5 п.л.)

Иные публикации:

1. Государственный идеал классиков евразийства // Формула права. 2006. № 1 [5]. С. 89-94. (0.7 п.л.)

2. Понятие справедливости в трудах Н.Н. Алексеева // Право. Гражданин. Общество. Экономика (сборник статей аспирантов и студентов). М.: Юриспруденция, 2008. С. 121-133. (0.7 п.л.)

3. Эволюция политико-правовых взглядов Н.Н. Алексеева // Вопросы социальной истории, 2009. Т 1. № 2. С. 91-104. (0.7 п.л.)

4. Ложное сходство: взгляды Н. Данилевского, О. Шпенглера и Н. Трубецкого на российскую государственность // Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: сб. научных статей к 60-летию Исакова В.Б. М: Юрлитинформ, 2010. С. 165—178. (0.8 п.л.).

5. Понятие "формы правления" в трудах классиков евразийства // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы VIII Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 2010. С. 143—148. (0.3 п.л.)

6. Проблема идеократии в трудах классиков евразийства // Социальные науки и практики в XXI веке. Материалы седьмой всероссийской весенней молодежной научной конференции. Йошкар-Ола, 2011. С. 30-37. (0.5 п.л.).